

(00:09:00) (Начало записи)

Игорь Абакумов: Уважаемые дамы и господа, мы начинаем шестую сессию Московского экономического форума, которая называется «Продовольственная безопасность. Роль России в мире». Меня зовут Игорь Абакумов. Я хочу пригласить на нашу сцену спикеров: Злочевский Аркадий Леонидович, президент Российского Зернового Союза. Поприветствуем.

(00:10:16)

Кобяков Олег Юрьевич, дипломат, директор отделения по связям с Российской Федерацией, Продовольственная сельскохозяйственная организация Объединенных Наций ФАО. Орлова Людмила Владимировна, президент Национального движения сберегающего земледелия. Романовская Кристина Федоровна, генеральный директор агрохолдинга «Лазаревская». Добрый день. Цзянь Лянь, инвестиционный партнер Beijing Hengse, эксперт в сфере промышленности, производства и геополитики. Пожалуйста. Будьте любезны.

Времени у нас не так много. Я так думаю, что по 12, максимум 15 минут всех устроит. Мне так кажется, да? Вполне. К сожалению, с нами нет академика Ушачёва Ивана Григорьевича по семейным обстоятельствам, очень важным для него. Поэтому мы начинаем. Я буду вести в одиночестве. Я всех представил. Предварительного слова, наверное, не требуется, поскольку тема ясна. Единственное, что хочу заметить, что Советский Союз и Россия, наша большая глобальная территория, огромная, такая в продовольственном смысле такая страна контрастов. То мы экспортируем активно, если взять 1913 год, Россия экспортировала зерна больше, чем Соединенные Штаты и Европа вместе взятые. Потом наступила война. В 1940-1941 году производство тоже выросло. Потом наступила война. Сейчас, когда на взлете был наш продовольственный зерновой экспорт, опять наступили военные действия. Тенденция, однако. Кто-то нам не дает развиваться.

Вместе с тем нужно понимать, что я прослушал все выступления практически, которые были с утра на Московском экономическом форуме. Очень много разговоров идет о том, что такое русский мир, как мы должны продвигаться, что такое мягкая сила и так далее. Но как мы будем продвигать нашу мягкую силу, если у нас такая странная экономика? Я предлагаю начать. Наверное, мы начнем с какого-то международного аспекта. Поэтому я попрошу выступить Олега Юрьевича Кобякова, дипломата, директора отделения по связям с Российской Федерацией, ФАО. И вопрос Олегу Юрьевичу, на каком месте, в какой позиции и какова роль России в мире в продовольственном аспекте. Пожалуйста.

Олег Кобяков: Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемый Игорь Борисович. Большая честь и доверие сегодня выступать в этой очень сильной, профессионально подготовленной и эрудированной аудитории. Поэтому постараюсь так тезисно изложить некоторые вещи. Возможно, с какими-то вы из них и не согласитесь, с какими-то согласитесь. С тем, чтобы оставить больше времени для интерактивной дискуссии, как мы с залом и внутри панели.

Проблема голода, она стоит перед человечеством собственно с самых первых дней истории. С тех пор как-то люди стали собираться в более-менее социально значимые группы. И причины голода, в общем-то, были такие же, как и сейчас, за небольшим исключением. Ну, это, во-первых, неурожай, потому что есть годы тучные, есть годы худые. Это вооруженные конфликты, как и внутри племен, так и между племенами. Ну, очевидно, что они уничтожают ресурсы. Всегда, как говорится, перебивали мужчин, угоняли в плен женщин, детей, скот, жгли посевы неприятеля. Вот это с применением более изощренных средств взаимного уничтожения. Это применяется, к сожалению, и сейчас. Ну, и уже побочные эффекты того, что сейчас торговля продовольствием глобализована, вооруженные конфликты еще нарушают пути снабжения самыми разными способами, от чисто военных до экономических, финансовых.

(00:15:05)

Среди сравнительно новых факторов голода – это изменение климата, вернее, его негативные последствия. И те факторы, которые ранее имели большую периодичность, сейчас они наступают все чаще и чаще. Экстремальные явления, как то засухи, наводнения, нашествия вредителей. Вот для Монголии, например, ну, всегда удобно привести какой-нибудь пример нейтральный, не нашей страны. Характерно такое явление, как дзуд, чисто монгольское слово. Это суровая зима бесснежная и бескормица. Вот дзуд в феодальные времена, Монголия из феодализма скакнула прямо в социализм, как в свои времена нас учили. Дзуд был где-то раз в 14-15 лет. С наступлением социализма почему-то дзуд удвоил свою периодичность, и вот с тех пор, с начала XX века и до сих пор он наступает в среднем в шесть-семь лет. Ну, тут, конечно, и феодализм, и социализм ни при чем, а просто изменение климата и его потепление вот так за последнее столетие сказалось.

И четвертый фактор, который способствует обострению состояния продовольственной безопасности и голода, это экономические встряски, связанные с действием первых трех факторов. Это вам рост цен на энергоносители, это валютные колебания, причем зачастую очень драматические, это разные меры тарифного и нетарифного регулирования, которыми национальные правительства пытаются этот рынок продовольствия регулировать, потому что Всемирного правительства еще нет. И попытки зарегулировать в рамках ВТО, они, к сожалению, оказываются менее успешными, чем более. Вот эти попытки регулирования, они этот рынок дестабилизируют.

И к чему мы сейчас пришли в 21 (00:16:58) веке? То, что в мире 735 миллионов людей голодает. Ну, по сравнению с 1945 годом, когда была основана ООН и была основана ФАО, мы празднуем в этом году 80-летие. Голодающих было побольше, приблизительно 1 млрд, и с населения в 2,3 млрд. То есть сейчас и доля сократилась, и физически количество сократилось. Это век, когда расстояние между микроэлементами на печатной плате процессора 2 нанометра, умереть от голода или его последствия, это, конечно, неприемлемая ситуация, и здесь надо работать.

Ну, как здесь работать? Мирового правительства нет. Значит, основным каналом распределения является рынок. Поэтому надо производить больше, производить меньшими расходами, производить в конкуренции с тем, чтобы продовольствия было

больше, оно было доступно физически и экономически, и никакие препятствия, не связанные чисто с производством, не мешали его поставке от мест, где оно производится, к потребителям.

Здесь Россия показывает пример уникальный, по сути. За последние десятилетия производство товарных зерновых возросло почти в двое, экспорт удвоился, и страна, которая еще 30 лет назад импортировала 40 миллионов тонн зерна, превратилась в страну, которая уже вне зависимости от погодных условий держит стабильные показатели 45, 50, 60 миллионов. Вот такое сальдо в 100 миллионов тонн. А всего в мире, для сравнения, производится порядка 3 млрд тонн зерновых, и одна шестая часть, порядка 15-16%, распределяется по каналу международной торговли.

Вот роль России здесь растет, и в плане собственной продовольственной безопасности, которая уже удовлетворена, будем надеяться, навсегда, и в плане мировой кормилицы.

Игорь Абакумов: Благодарю, Олег Юрьевич. Аркадий Леонидович Злочевский, президент Российского Зернового Союза. В чем отличие продовольственной безопасности и продовольственной независимости? Начните с этого.

Аркадий Злочевский: Хорошо. Спасибо, Игорь Борисович. Уважаемые коллеги, всех разрешите поприветствовать. В общем, у нас денек-то сегодня знаменательный, день смеха. Может, мы вместе и посмеемся, хотя бы над какими-то аспектами нашей аграрной жизни. Так вот, у нас есть доктрина продовольственной безопасности. Она была принята, и в период, когда она разрабатывалась, в общем, было много дебатов, что она должна содержать.

Игорь Абакумов: Это было 25 лет назад, когда ее обсуждать только начали.

Аркадий Злочевский: Нет, ее обсуждать еще в 90-х начали. А вот когда она принималась, был разработан еще первый проект сырой, он потом дорабатывался. Соответственно, много обсуждений было в отношении того, а что она должна содержать. И вот, по каким-то причинам, по большей части, это связано с политикой экономического блока правительства в тот момент.

(00:20:12)

Напомню, в тот период, соответственно, главами этих подразделений в правительстве был Алексей Леонидович Кудрин и Герман Оскарович Греф. Они, собственно говоря, рулили, и они были вообще противниками в принципе самого института продовольственной безопасности и противниками принятия доктрины. Логика экономического блока состояла в чем? Ну, если какие-то проблемы будут, мы же завезем по импорту. Не впервые. Когда-то жили на импортной игле. Ну и сейчас завезем.

И именно по этой причине в ходе этих дебатов практически были вырезаны все аспекты продовольственной безопасности. И логика, поскольку эти дебаты шли с экономическим блоком, в основном, и логика доктрины продовольственной безопасности оказалась четко нацеленной на продовольственную независимость. Во всем мире это абсолютно разные, кардинально разные понятия. Почему они такие разные во всем мире? И почему продовольственная безопасность не коррелируется с продовольственной

независимостью? Потому что целью продовольственной независимости является организация производственных процессов на суверенной территории. А целью продовольственной безопасности является обеспечение населения и территории доступным и качественным продовольствием.

Сама доктрина продовольственной безопасности, если вы посмотрите ее в любой стране, в Америке, в европейских странах, формулируется из трех рисков. Это риск физической доступности, это то, чем должна собственно доктрина заниматься, чтобы продовольственные товары всегда были в физическом доступе. А это напрямую зависит от инфраструктуры, а никак не от производства. При этом не оговаривается нигде ни в каких доктринах, где производится это продовольствие, на какой территории. Оно просто должно быть физически доступным для потребителя.

Второй важнейший аспект на самом деле, и именно этим аспектом занимается в том числе ФАО, ООН и куча еще международных организаций крупных. Это экономическая доступность продовольственных товаров. И это главная проблема сегодняшнего дня в мире. Продовольственной безопасности. Именно недоедание и голодание происходит по причине отсутствия денег в кармане у потребителя на покупку этого продовольствия. Это самая большая проблема.

Ну и третья проблема или риск – это не отравиться этим продовольствием. Оно должно быть абсолютно безопасным при его потреблении. Вот и все. А при этом что записано у нас в доктрине продовольственной безопасности? Что мы должны производить молока 95%, зерна 96% и так далее. Я сейчас цифры могу на память не вспомнить точно, но по такому-то конкретному продукту мы должны соблюдать параметры пороговых значений от уровня потребления. Это никакого отношения к продовольственной безопасности не имеет. Это имеет прямое отношение к продовольственной независимости.

И при этом парадокс состоит в чем? В государственной программе по развитию сельского хозяйства, которая напрямую должна заниматься развитием производственной базы продовольственных товаров, напрямую черным по белому записано: целью программы развития сельского хозяйства в России является обеспечение населения доступным и качественным продовольствием. То есть у нас понятия смещены. Вместо того, чтобы это записать в доктрине продовольственной безопасности, это у нас записано в программе развития сельского хозяйства. А это не может служить надежным и в общем таким фундаментом и драйвером для развития сельского хозяйства.

Такая цель однозначно приводит к подавлению ценообразования и к уничтожению и демотивации производственной базы. И сегодня, когда мы говорим о роли, ведь мы сегодня здесь обсуждаем роль России в мировой продовольственной безопасности, в продовольственном снабжении на разных рынках. Есть довольно много точек зрения, что в Советском Союзе послевоенные годы привели к импортозависимости колоссальной, и роль была потеряна. На самом деле это неправда.

(00:25:27)

Роль как раз была повышена в связи с тем, что крупнейшие покупатели определяют рыночные цены. И когда Советский Союз выходил на рынок и закупал огромные объемы зерновых ресурсов, колоссальные объемы, это катастрофическим образом влияло на цены. Именно по этой причине существовала организация в советское время, она и сейчас существует, но она уже этим не занимается, называлась «Экспорт хлеб». Понятно, что она образовывала...

Игорь Абакумов: «Импорт хлеб».

Аркадий Злочевский: Нет, они назывались «Экспорт хлеб». И когда-то до... Они же были созданы в 1918 году. «Экспорт хлеб» был создан. И он занимался реальными экспортными операциями. Просто никто не менял название, но именно их функцией была закупка вот этих немереных, огромных совершенно ресурсов на зарубежных рынках.

Смотрите, как они исполняли эту функцию. Это же ведь как раз один из инструментов влияния. Они втихаря работали через нескольких брокеров на Chicago Board of Trade, выставляли заведомые позиции. Это была прямая функция «Экспорт хлеба». Заранее, зная планы и обладая инсайдерской информацией о том, что нам предстоит купить в сезоне такие-то объемы, они эти позиции заранее выставляли и на фьючерсах отбивали вот эту разницу в цене при физических закупках. Потом, когда они выходили, и они же закупали эти колоссальные объемы на мировом рынке, все это возвращалось прибылью из фьючерсных контрактов, компенсировавшей рост цен при закупках.

Поэтому недооценивать наше влияние как крупнейшего в мире покупателя зерновых ресурсов в тот момент нельзя. Просто мы были с другой стороны баррикад. И в международном совете по зерну у нас был статус импортера. Мы только в нулевые годы его поменяли на статус экспортера.

Что происходит сейчас? Мы вышли на первое место по экспорту пшеницы. Причем это у нас так принято в последние годы говорить, что мы вышли. А на самом деле мы вернули этот статус крупнейшего экспортера пшеницы. Ну так, для сведения, в 1913 году Россия, еще дореволюционная, экспортировала 13 миллионов тонн пшеницы в Европу. На подводах вывозили. При этом надо учесть, что мы были в объемном выражении нетто импортерами в тот период. Но это никак не избавляло нас от статуса крупнейшего экспортера пшеницы в мире. Просто мы завозили из Европы фуражные ресурсы, которых не хватало, этими же подводами. И завезли тогда в 1913 году 17 миллионов тонн. Поэтому нетто было в нашу пользу. Но при этом крупнейшими экспортерами пшеницы мы так и были. И оставались в 1913 году.

Ну и потом, Игорь Борисович уже сказал, были периоды, когда мы экспортировали и были крупными экспортерами. Мы оказывали влияние на мировой рынок своими поставками. Так вот, выйдя на первое место по экспорту пшеницы, мы, автоматом заняв это святое, можно сказать, место, оказываем очень существенное влияние на состояние мирового рынка. И что мы сделали? В 2021 году мы ввели пошлины на экспорт зерновых ресурсов. И этим самым оказали колоссальное влияние на мировые цены. Напомню в цифрах конкретно, как это выглядело. Цена на пшеницу в период, когда у нас внутренние цены росли, они росли за счет того, в 2021 году, они росли за счет того, что курс рубля ослаблялся.

И это было пандемичным эффектом в тот период. И, соответственно, это было связано с ростом внутренних цен. На мировом рынке цены были достаточно стабильные.

(00:30:00)

И составляли в районе 320 долларов за тонну на тот момент. После введения наших пошлин цены ушли под 400 с лишним, до 450 долларов за тонну. По средним оценкам мы подняли, при этом наши внутренние цены так и остались. Они не понизились, рублевые. Их удалось остановить через эту меру, но ни в коей мере не опустить. Хотя цель ставилась именно такая. А вот мировые цены поднялись на 100 с лишним долларов за тонну.

К чему это привело сегодня? Через это привело к дополнительно полутора процентам площадей под посевами пшеницы в мире. И эти площади продолжают наращиваться. А сегодня целый ряд наших крупнейших покупателей по примеру Китая объявил программы по восстановлению производства и самообеспеченности. Китай для этой цели ввел в том числе и программу стимулирования научных исследований в сфере ГМО пшеницы. ГМО посевов и генных технологий для выращивания и для самообеспеченности. Так напомним, Китай крупнейший покупатель пшеницы в мире.

Игорь Абакумов: Ну и крупнейший производитель.

Аркадий Злочевский: Да, и крупнейший производитель. И крупнейший покупатель при этом. Но им самим не хватает, и вот они решили самообеспечиться после этих 440 долларов за тонну. Дорого. И сегодня при средней цене 240 долларов Китай платит своим производителям 350 долларов за тонну пшеницы. Внутренним производителям. С целью стимулирования наращивания производства пшеницы. По этому пути пошли многие страны из наших потребителей, которые имеют климатические возможности наращивания производства. Хотя до этого таких программ у них не было. Вот степень нашего влияния.

А мы при этом собственное производство сегодня демотивировали до степени сокращения площадей пшеницы этими пресловутыми пошлинами, квотами. И до степени падения технологичности, довольно сильного и, можно сказать, катастрофического. Для примера приведу сезон 2024-2025 года. Закупки техники у нас куплено было... Это вот ресурсы под нынешний сезон. У нас было в 2024 году куплено тракторов в 20 раз меньше чем в Америке. При сопоставимых площадях. В 20 раз. Зацените. А к чему это будет приводить в дальнейшем? Это будет приводить к тому, что мы не будем вписываться в погодные окна. Техника перестала обновляться. И идет сокращение в том числе и по мощностным показателям. Я уж не говорю о физических. Но именно физические падения по параметрам дают невписывание в погодные окна. Один и тот же трактор даже при повышении энергетической емкости, мощности не может одновременно два поля разрабатывать. И потери, которые случаются от неиспользования погодных окон, начинают расти геометрическим образом.

Это приведет к падению урожайности и падению нашего экспортного потенциала. То есть к потере влияния... Мы уже в следующем сезоне очень сильно рискуем, стоит нам не повезти с погодкой хоть чуть-чуть, мы очень сильно рискуем потерять свое место в мире по экспорту пшеницы. А если будет серьезная погодная неурядица, как в 2010 году это было,

мои оценки, соответственно, по урожаю сейчас максимально мы получим на уровне текущего сезона, по урожаю 2024 года, 125 миллионов. Это при самых благоприятных погодных условиях. А потери могут дойти до 30% от этого уровня. И в этом случае правительство будет вынуждено ввести какой-нибудь эмбарго, тем более это в наших традициях. Ну и до свидания, это первое место. И вот вам вся степень нашего влияния. Мир к этому вряд ли будет готов. Там поднимутся сильно цены на пшеницу при таком неблагоприятном раскладе. А у нас при этом будет по-прежнему производиться политика подавления ценообразования и демотивации производственной базы. Поэтому мы сейчас семимильными шагами движемся к возврату в советскую историю импортозависимости.

(00:35:04)

Игорь Абакумов: Спасибо, Аркадий Леонидович. Благодарю. У меня вопрос: как себя ощущает крупнейший производитель свинины в Тульской области? Кристина Федоровна Романовская, генеральный директор агрохолдинга «Лазаревское». Будьте любезны.

Кристина Романовская: Добрый день, уважаемые спикеры, уважаемые зрители. Спасибо за приглашение, что есть возможность рассказать производителям, что на самом деле происходит на земле. И я, наверное, в первую очередь подтверждаю фактами то, что в своей речи сказал Аркадий Леонидович, как сказываются меры по обеспечению продовольственной безопасности в стране на нашем типичном среднем предприятии. Наше предприятие находится в Тульской области...

Игорь Абакумов: Среднее?

Кристина Романовская: Да, среднее.

Игорь Абакумов: 77% производства...

Кристина Романовская: Свинины. Ну, 25 тысяч гектаров. Это среднее. По сравнению... С чем сравнивать. Согласна. Я не специалист в макроэкономике, вряд ли вы от меня ждете какие-то прогнозы и оценки общей ситуации целиком. Могу рассказать, как у нас это происходит, и как мы справляемся с текущей ситуацией. Перечислю пару фактов, которые подтвердят слова Аркадия Леонидовича. Начнем с техники. Два года технику мы не покупаем вообще, потому что на нее нет денег. Общий возраст автопарка у нас порядка 15, средний возраст 15-20 лет. Но и даже на ту технику, которая у нас есть в наличии, нам посадить некого.

Такого кадрового голода, который испытывает сейчас сельское хозяйство, не помнит никто. И это касается не только растениеводства, животноводства, но и переработки тоже. Здесь обеспеченность кадров снизилась до 60-70%. То есть мы говорим о том, что объем производства катастрофически снижается. Что касается растениеводства. Да, мы сейчас вошли в новый сезон. Буквально 26 марта мы начали весенние пассивные работы. И хочу рассказать, что в связи с такой критической ситуацией обеспеченности ресурсами и кадрами нам пришлось полностью пересмотреть свой севооборот в сторону сокращения многих позиций. Начнем с того, что мы перестали высаживать картофель, потому что это самая трудозатратная культура с точки зрения кадров. Мы не можем обеспечить уборку, поэтому мы полностью убрали ее с севооборота. Мы сократили действительно площади

под озимую пшеницу, потому что за последние два года она перестала быть коммерческой. И оказывается, мы работали ради того, чтобы работать, а не чтобы не заработать.

Далее, про деньги. Был очень хороший такой ресурс – это субсидированные кредиты, которые были достаточно экономически эффективными, поддерживали нас. В этом году это уже не настолько эффективно. Мало того, были пересмотрены договора текущие в сторону увеличения ставки, тоже было большим сюрпризом для нас. Понятно, что можно было бы не обратить внимание на такие небольшие изменения, но в текущей ситуации, когда общая прибыль компании год от года стремится к нулю, даже такие небольшие изменения оказывают существенное влияние на финансовую стабильность.

Ну и, конечно, погода, то есть все, как говорится, наложилось на дно. И в этом году мы пережили и засуху, и заморозки, и ливни. А в этом году у нас не было зимы. Я у своих агрономов спрашивала: «Ну как, что будет с озимкой?». Они пожимают плечами, потому что за 20 лет ничего подобного у нас не было. Мы даже не можем прогнозировать и понимать, что происходит.

Как показывает практика, изменения любой ситуации происходят тогда, когда ситуация доходит до определенного уровня кризиса. Мы, конечно, надеемся, что мы уже дошли до какого-то дна, и хочется уже очень сильно оттолкнуться ногами и пойти вверх.

Игорь Абакумов: Но там постучали, да?

Кристина Романовская: Да, точно. Я понимаю, что это естественный процесс, и бывают, как говорится, и урожайные года, и это был 2021 год очень хороший, 2022-й, но в 2022-2023-й, в 2024-й это уже просто режим энергосбережения включается, потому что мы никаким образом не можем эту батарейку подзарядить, нам не дают.

(00:40:05)

Что касается нашей компании, то у меня всегда был принцип, что, как говорится, на государство надейся, сам не плошай. И единственное, что мы можем в данной ситуации сделать для того, чтобы пережить эти кризисные времена и сохранить компанию, это мы, конечно, работаем с себестоимостью. Мы полностью перепрошиваем компанию. Очень грамотную бизнес-стратегию в свое время выбрал мой папа, основатель компании, и я хочу отметить очень важный момент, что нашей компании более 40 лет, и до этого ею успешно руководил мой отец, который для себя в свое время выбрал очень грамотную и эффективную стратегию устойчивого развития, и спокойно и планомерно всегда двигался к успеху.

И одна из опор — это диверсификация бизнеса. В свое время, когда как раз в 2021 году очень сильно выросли цены, и они были достойными на пшеницу, многие мои коллеги говорили: «Хватит заниматься фигней, то есть животноводством, продавай все». Но я не очень верю в постоянство, и как раз эти последние два года очень нас вывозило именно животноводство и переработка. Ну и честно говоря, мы выжили по сравнению с другими сельхозпроизводителями благодаря именно этому, что у нас очень диверсифицированное производство, которое включает в себя и растениеводство, и животноводство, мясопереработку, молокопереработку. У нас своя собственная розничная сеть магазинов в

Тульском регионе, 36 магазинов. Но мы замахнулись и дальше. В рамках, в том числе импортозамещения, мы построили, в 2022 году начали строительство семеноводческого центра своего. Для того, чтобы снизить себестоимость и статью расходов именно на семена, и пользоваться своими семенами.

Здесь тоже такой моментик. То есть, в первую очередь мы построили. Были очень хорошие, выгодные инвесткредиты, которые позволили нам это сделать. Но сейчас ситуация изменилась.

Игорь Абакумов: Пришел Россельхознадзор?

Кристина Романовская: Нет. Деньги не дают больше. То есть, мы не знаем, как мы будем дальше его достраивать. То есть, у нас ситуация с инвесткредитами подвешена. Но мы ждем, и надеемся, и верим, что нам позволят достроить этот очень важный объект не только для нашей компании, но и для Центрального федерального округа. Потому что он планируется одним из крупнейших в ЦФО.

Ну и самый важный момент, который я считаю в том числе своей личной гордостью, это то, что сейчас компания выходит на очень новый современный уровень благодаря такой грамотной стратегии по цифровизации компании и оптимизации бизнес-процессов с целью сокращения себестоимости. И ради этого мы создали свою собственную IT-компанию, которая сейчас занимается созданием IT-учета в свиноводстве с использованием искусственного интеллекта. То есть это как раз то, на что мы сейчас сильно рассчитываем, потому что благодаря неинвазивному учету в свиноводстве мы имеем возможность контролировать животное от рождения до убоя и использовать эти данные для того, чтобы экономить и на кормах, и вовремя отслеживать какие-то изменения в состоянии животных, чтобы иметь возможность их выбраковывать или лечить.

Что касается общей истории с ситуацией в сельском хозяйстве, я бы хотела со своей стороны обратить внимание на очень важный момент. Это то, что сельское хозяйство не терпит резких движений. Корова носит теленка девять месяцев. Теленок растет полтора года. То есть любые критические какие-то нарушения в технологиях, какие-то проблемы с вовремя поставками кормов или проблемы с ветеринарией, они могут сгубить стадо и в больших объемах. И потом восстанавливать это нужно будет годами. Это касается и растениеводства тоже. Мы с вами сеем пшеницу один раз в год и собираем урожай один раз в год. И то, как мы ответственно и вдумчиво подходим к тому, чтобы отработать этот месяц весенних полевых работ, зависит то, что будем кушать и мы, и не только мы.

И это самый важный момент, на который я хотела бы обратить внимание. И также с гордостью хочу все-таки сказать и отметить, что Россия исторически аграрная страна. И у нас просто необъятные ресурсы для того, чтобы стать лидером экспорта продовольствия в мире. Вот все, что я хотела сказать. Спасибо.

(00:45:05)

Игорь Абакумов: Благодарю вас. Спасибо. Цзянь Лянь, инвестиционный партнер Beijing Hengse, эксперт в сфере промышленности, производства и геополитики. Кому нужно,

переводчики лежат тут рядышком с нами. Мистер Лянь, what do you think about food problem?

Цзянь Лянь: У меня есть презентация. Давайте перейдем на первую страницу. Я вижу, что вы показываете сначала. Показывайте последнюю страницу. Я очень много слышал негативного. Многие здесь говорили о сложностях в России из бизнесменов. И хотел бы важно сказать на этом форуме. Я надеюсь, что я дам вам некую надежду касаясь также сельского хозяйства. И далее данная презентация. Я очень старался логически разложить все. И с точки зрения технических вопросов, о которых я уже говорил ранее, мне есть что предложить.

Итак, мое понимание об основной теме – это создание новых рынков для аграрного рынка российского продукта. И, честно говоря, с точки зрения российского аграрного рынка, решение проблем глобальной продовольственной безопасности, это не долларовой цикл. Глобальный Юг, Китай, Россия. Такой треугольник.

И, кратко говоря, что такое глобальная проблема продовольственной безопасности? Главная проблема есть, конечно же, особенно в Глобальном Юге и в Африке необходимы продукты. В России очень много продуктов. И с точки зрения позиций, вы больше не Советский Союз. Очень много экспортировалось товара. Сейчас много людей, у которых есть собственные деньги. Как создавать возможность для того, чтобы увеличивать свое производство и реализовать свою продукцию?

С 2022 года, примерно три года назад **ставки** (00:47:33) США привели к дефициту долларов. И сейчас это приводит к обесцениванию местных валют. Особенно в развивающихся странах. Здесь я размещаю четыре графика: по Танзании, Пакистан с достаточно большим населением. Мы видим их коллапс обесценивает местных валют. Они не готовы оплачивать продукцию, которую они бы хотели покупать, закупать в России. Эфиопия, Тыграй, население Эфиопии. В Тыграе около 10 миллионов человек. 10 миллионов человек, проживающих в Тыграе. И они практически умирают. Я был там, я сделал сам фотографии, Эфиопия. Большая проблема с фермерством. Им необходимы продукты.

Сахель. Регион Сахель. Буркина-Фасо, и тем людям, которым необходимы продукты. И то, что Россия может предоставить с легкостью. Я привел три экспортных направления для ваших продуктов. Египет, Кения и Бангладеш. Все эти страны, как вы видите, есть снижение и коллапс их локальных валют.

Каков же ответ? Ответ: необходимо создать силу, способности на Глобальном Юге, особенно в Африке. Как же мы можем восстановить эту покупательную способность? Необходимо вводить новую валюту. И какова будет валюта? Валюта, которую могли бы принять многие люди. Обычно мы, в Китае мы реализовали такую новую твердую валюту. Почему Россия и дружественные страны полагаются на эту валюту ваших противников, доллары США, для того, чтобы закупать российские продукты? Россия не принимает доллары в текущий момент и евро. Что же мы можем сделать? Мы должны создать финансово-экономический треугольник Китай-Россия-Африка.

(00:50:05)

Китай на сегодня выстроил новый цикл финансово-экономический. И на текущий момент Африка стратегически важна для Китая, потому что в Африке есть очень много ценных энергетических ресурсов: медь, литий и так далее. Эти продукты экспортируются в Китай и получают юани для их валютных резервов. Что касается России, она экспортирует продовольствие в другие страны на африканском континенте и получает по оплате юани. Китай предоставляет России оборудование для вашей индустриализации и промышленные продукты, которые необходимы для вас. Собственно, вот он идеальный треугольник.

И в качестве примера Эритрея. Четыре картинки, четыре фотографии Эритреи. Слева Исаяс президент просит президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина о помощи. И мы видим один регион, полдоллара. И создание краткосрочного цикла в Китае представляет Африке хорошую схему. 300 миллиардов юаней, 360 миллиардов юаней создаются для зарубежного и трансграничного обращения. По большей части их используют для инфраструктуры и инвестиций в промышленность в России. У нас 1,3% всего кредитных процентов.

Итак, я посетил несколько регионов в Африке, в основном Нигерия, Эфиопия, Конго, Кения, Танзания, Уганда. И во многих из них население больше, чем в России, либо такое же население, как в России, особенно в Сахеле. 77 миллионов проживает, и через 10 лет, в 2035 году это население достигнет 103 миллионов человек.

Будущее. Африка нас будет достигать. Молодежь, китайцы, они уезжают в Китай, чтобы строить свой бизнес, и необходимо им будет большое количество продуктов, сельскохозяйственных продуктов. Я думаю, что вы также посещаете Африку и знаете их ситуацию. На самом деле, немногие знают, что происходит в Африке. Нам нужны эти знания. У нас 13 стран и выстраивание отношений. Я могу сказать, кому можно доверять, кому доверять не стоит.

И что касается вашей валюты, рубля, особенно в северных наших регионах, в основном люди работают для того, чтобы покупать продукты. Каким образом мы... Что мы можем рекомендовать? Вы можете нанимать этих людей, и рубли можно использовать. То есть они работают на нас, получают рубли зарплату и затем тратят эти рубли для того, чтобы приобрести российские продукты. Что касается, допустим... Это небольшая ремарка по поводу дедушки Пушкина. Он был из Африки. И я хочу сказать, что данный вопрос уже решается. Российский Центробанк приглашает меня для того, чтобы участвовать в дискуссии. Много об этом говорить не буду. Следующие поколения продовольственной безопасности, для того, чтобы решать этот вопрос на Глобальном Юге.

И следующий вопрос, уровень безопасности продуктов, это здоровье. В развитых странах, как Соединенные Штаты, вы видите, что очень много полных людей. И в России, когда я приезжаю, я вижу, что очень много продуктов на прилавке, которые... продукты, чтобы можно было разогреть и покушать. И следующая структура – это улучшение с точки зрения сохранения здоровья. И, опираясь на свой опыт, я смотрю на рыбу, на фотографии рыбы, которую я кушал в Москве. По нашим стандартам это очень дорогая цена. И дальше, что делают китайцы?

(00:55:12)

Они окупают свежую рыбу, не замороженную, как в России. И я надеюсь, что россияне тоже могут получать этот белок, и надеюсь, что вы будете покупать продукты, в частности, рыбу. Что касается железа, железные элементы, которые я показал, здесь болванки металлические. Вы можете увеличивать производство, создавать продукты высокого уровня, высокого качества.

Что касается американцев, то они используют данные продукты. В России часто используют пшеницу и кукурузу. Что касается сиропа, он очень сильно, скажем так, наносит вред здоровью, этот фруктовый сироп, который приводит к ожирению. Надеюсь, что с нашими продуктами, богатыми клетчаткой, вы можете посмотреть много видео в интернете, которые говорят о пользе или вреде определенных продуктов. Надеюсь, что мы сможем вам помочь в этом, и что мы пойдем дальше рука об руку.

Передо мной спикер выступал по поводу здоровья животных. Мы можем с вами обсуждать все эти вопросы. Пожалуйста, приезжайте к нам, мы открыты для дискуссии.

Игорь Абакумов: Спасибо. ...через Мозамбик, через Эфиопию до Зимбабве, и посещал очень многие сельскохозяйственные кампусы обучающие. И там везде присутствует Китай. Через знания, через инвестиции в эти кампусы приходят технологии, приходят семена, приходят средства защиты растений. Это и есть та самая мягкая сила. Это при том, что примерно 60% агрономов в этих странах были воспитаны в Тимирязевской академии и в институте Патриса Лумумбы. Отставание России здесь очень значительное, если не сказать фатальное. И в основном эти знания Китай приносит в сфере земледелия, в сфере ухода и контроля земель. Это очень важный такой момент. Ну о чем, собственно, и говорил господин Лянь.

Я слово предоставляю Людмиле Владимировне Орловой, президенту «Национального движения сберегающего земледелия».

Людмила Орлова: Спасибо большое, Игорь Борисович. Я тоже хочу картинки показать. И называю выступление «Новая парадигма развития сельского хозяйства». Хочу сказать, что много лет уже, около 30 лет, занимаемся технологиями почвосберегающего земледелия. И мы, по сути, вернули в жизнь наши наработки Овсинского, Бараева, Мальцева. Впервые сделали программу такую в Самарской области, а потом ее подхватили другие регионы. И, в частности, в Белгородской были большие успехи. Платформу ведем, агрокомиссию и журнал выпускаем «Ресурсосберегающее земледелие».

Но в чем проблема продовольственной безопасности? Как ее достигать? Это почвенно-климатический кризис в мире. Об этом мы уже много говорим. И вот видите, это картинка пыльная буря или эрозия почв. Это в Калмыкии, это в Южной Африке, это и в России. Во всех странах мира это происходит. И посмотрите, сколько уже мы потеряли почвы в мире, и сколько в России теряем. Каждый год полтора миллиарда тонн почвы плодородной мы теряем. Ну, это как климат влияет. И предположение есть, что Россия, все наши земли сибирские, они будут более теплые. И это даст нам большую возможность для производства сельхозпродукции в этих регионах.

Но что нам мешает? Почему мы теряем плодородие почв? А мы по всей стране теряем плодородие почв. Потому что мы применяем устаревшие технологии. У нас нет программы сохранения почв. У нас нет закона о сохранении почв.

(01:00:09)

И вы знаете, когда я выступаю на международных форумах, с завистью слушаю выступления иностранных коллег о том, что у них делается, в частности в Китае, в 2020 году, начата программа по сохранению почв в черноземных регионах. В 2021 году Европа стала внедрять эту программу. У них называется программа «Здоровье почв» и «Углеродное земледелие». И вот у нас в России мы начали, Самарская область была инициатором внедрения этих технологий, а потом они пошли в регион. И сейчас у нас где-то около 6 млн гектар почвосберегающее земледелие.

Что это такое? В основе отсутствие механической обработки почвы, биологические методы, технологии точного земледелия, оптимизации использования удобрений, но главным образом биологические методы. Смотрите, они все дают сохранение, депонирование большего количества углерода, а это основной фактор плодородия почвы, от которой ускоряют физические, биологические, физические, химические процессы в почве.

И вот они что нам дают в нашей стране? Могут дать. Это расчеты на 65 миллионов гектар производства пшеницы и масличных культур. Во-первых, мы можем депонировать углерод, и мы можем благодаря этому сохранять почву от эрозии и деградации. И если нам старыми технологиями возвращать эти почвы, возвращать продуктивность почв, то нам где-то потребуется 20 триллионов на то, чтобы 19 миллионов гектар эродированных почв вернуть в оборот. Это огромные деньги, их нет. Но этими технологиями можно делать это постепенно, и это будет параллельно с производством сельскохозяйственной продукции.

Кроме того, эти технологии требуют меньше использования техники. На 4000 гектар, где то 3-4 машины сокращаются. Что такое сокращение машин? Это огромные инвестиции. И мы в России можем сэкономить 300, ну в среднем так, около 320 миллиардов рублей на инвестиционные затраты. Мы говорим, где деньги брать? Не надо покупать плуги, не надо трактора для плугов. Нужно идти на почвосберегающее земледелие. Затраты на ГСМ 2,6 млрд литров в год, а это 70 рублей где-то средняя цена сейчас, и она скачет. Это огромные деньги.

И эти технологии повышают продуктивность почв где-то до 30%. Рентабельность – от 20% и выше, до 50% доходит. И это дает возможность более устойчивого развития технологии. Вы знаете, когда есть засухи, или заливают дождями, то те хозяйства, которые внедряют эти технологии, они получают более высокий урожай, чем те, которые пашут. А еще сейчас развивается углеродное земледелие. И можно сдепонировать углерод и получить углеродные кредиты. Но это надо валидацию, верификацию пройти. И вот сейчас мы первый климатический такой проект делаем на аграрном полигоне в Самарской области. И он будет, будем продавать, пробовать продавать единицы.

Что такое вот эти новые технологии, новые веяния, стратегии углеродного развития? Оно вызывает новую парадигму развития сельского хозяйства по достижению вот этой

углеродной нейтральности. И в чем она заключается? Во-первых, это применение почвозащитного, ресурсосберегающего земледелия. Это подсчет углеродного следа сельхозпродукции. И сейчас вырабатываются документы во всех странах, в частности в Китае, о том, что будут... И это со временем будет одним из критериев экспортного рынка сельхозпродукции.

Создание бренда необходимо сельхозпродукции, а также создание аграрных климатических проектов. При внедрении технологии сельхозпроизводители будут сохранять, депонировать углерод, могут продавать эти углеродные единицы и получать дополнительные доходы.

Ну, что нам мешает? Дефицит знаний, первое. У нас мало кто знает, даже в министерствах, руководители регионов, в правительстве мало знают о возможностях, о потенциале сельского хозяйства в климатической повестке. Именно растениеводство и животноводство. Отсутствие необходимой законодательной базы. Ну, я вам говорила, что у нас даже нет закона о сохранении почвы. У нас в стране, в которой создана такая наука как почвоведение, издание «Русского чернозема» известно во всех странах, написанное нашим ученым Василием Докучаевым, у нас исчезло понятие почвы из государственных документов.

(01:05:14)

Есть понятие земля, а почвы нет. А во всем мире есть почва. Отсутствие связи бизнеса, низкая доходность предприятия. Вот об этом уже говорили. Но когда низкая доходность сельхозпредприятий, то там не до технологий. Там стоит задача просто выжить. И, конечно, важны очень меры, которые мы должны представлять правительству, обязательно ввести меру, чтобы за доходность сельхозпредприятий отвечали министерства, правительства, руководители регионов.

И на сегодняшний день, вы знаете, задача сохранения почвы, она лежит на собственниках или на руководителях сельхозпредприятий. А если у тебя доходность нулевая или она в минус идет, о каком сохранении почвы может идти речь? А по закону он отвечает, сельхозпроизводитель, руководитель, собственник отвечает за сохранение почвы.

Ну еще в чем беда у нас развития нашего общества? В том, что у нас отсутствует связь. Связь между руководством, управлением отраслью и народом, который работает, сельхозпроизводителем, который работает на полях. Вот этой связи нет. И поэтому у нас общественные институты, они как-то, знаете, деградируют. И там в основном решаются проблемы, которые, ну отчеты департаментов или чего-то. Но проблемы насущные, например, та же пошлина. Сколько уже выступали за то, что пошлина вредна. И ведь много мер можно обсудить, которые могут изменить эту пошлину на другие эффективные меры, которые дадут тот же результат для накопления, для доходности бюджета, но не будут убивать сельскохозяйственный бизнес. К сожалению, нет.

И кадровая политика. Вот я иногда смотрю, у нас, например, в отчетах Минсельхоза, в отчетах аграрных вузов 86 критериев отчетности. Я думаю, ну кто же их внедряет? Вот вы знаете, я тут вспоминаю нашего разведчика Советского Союза Кима Филби, который

работал в Ми-6, он тормозил работу своих подчиненных тем, что он внедрял различные формы отчетности. Вот у меня ощущение, что у нас там где-то наверху сидят вот такие агенты, только уже западные, как Ким Филби, и внедряют вот это в нашу систему образования. И наши ученые заняты только этими отчетами, некогда повышать свое самообразование, думать о насущных исследованиях, которые будут решать проблемы на полях, и повышать уровень подготовки студентов.

Еще хочу сказать, вы знаете, в 1989 году к нам приезжала НАТОвская делегация, они были удивлены тем, что мы такой рывок сделали в развитии народного хозяйства, как мы так смогли, промышленности. Они изучали наше образование, они были потрясены им. И вот это было наше образование, сильное образование, которое мы с каждым годом теряем, и теряем, и теряем.

И вот знаете, в Минсельхозе сейчас внедряется цифровизация, очень много... Модное это понятие, цифровизация. Вот 13 ФГИСов я посчитала, но их еще на самом деле больше, в Россельхознадзоре эти ФГИСы есть. А эффективность работы не улучшается. Вы смотрите, мы идем ко дну где-то, ну я не могу сказать, что ко дну идет, но у нас наступает какая-то депрессия в сельском хозяйстве, у нас доходность теряется. А при потере доходности, ну какие инвестиции, какое развитие может быть?

И вот здесь график показывает, смотрите, график первый сверху – это рост стоимости хлеба, вот два графика, стоимости пшеничной и ржаной муки, и наша рентабельность растениеводства падает. А это один из примеров хозяйств, которое внедряет прямой посев и традиционные технологии. Видите, рентабельность, она по разным регионам приблизительно такая, она выше при прямом посеве.

Как у нас решаются проблемы? Я говорила о том, что у нас общественные институты потеряли свое значение, но если на примере, АККОР очень критиковал Минсельхоз о пошлине зерновой, то создан был «Народный фермер», вот так вот проблемы решаются. И когда Зерновой союз тоже критиковал Минсельхоз, Союз экспортеров создан. И у нас как-то уходит понятие о честности, о том, что правду надо говорить.

(01:10:08)

И помните, у нас два полководца, которые никогда не проигрывали сражения. На суше это был Суворов, а на море это был Ушаков, Федор Ушаков. И вот у них у всех правда была на первом месте. Я люблю правду без украшений. Ну и всем рекомендую нашим руководителям почитать роман Достоевского «Идиот», где правда воспринимается как угроза развития общества и, быть честным там определяется, как тяжкий труд. Я закончила.

Игорь Абакумов: Браво, Людмила Владимировна, браво!

Людмила Орлова: Я еще хочу сказать, что мы готовим конгресс, он будет в июне. И для того, чтобы нам повышать лидерство России, он посвящен климату, плодородию и почв технологии. Две основные темы — это повышение плодородия почв, программы по единому здоровью, здоровью почв, растений, животных, человека, и тема создания единого аграрного карбонового рынка стран БРИКС, ШОС и ЕАЭС. И это очень важная

задача в том, чтобы российское сельское хозяйство развивалось уверенно. Поэтому ждем вас на этот конгресс.

Еще хочу сказать, что мы проводим конкурс. Ежегодно проводим конкурс «Почва — жизнь». И вы знаете, мы проводим этот конкурс, и дети, нам такие отзывы от детей идут уникальные...

Игорь Абакумов: Людмила Владимировна, рекламная пауза будет чуть позже. У нас с нами находится Юрий Васильевич Крупнов, один из руководителей. У меня к вам вопрос есть. Один из руководителей Института демографии. Я правильно представил вас, да? Юрий Васильевич, я не помню такого демонстративного исхода кадров с земли. Не помню просто такого. Я с 60-х годов не помню такого, массового. И подчеркиваю, демонстративного. Почему? Коротко. Юрий Васильевич Крупнов.

Юрий Крупнов: Мне кажется, ответ очень простой. Я помню, как ряд губернаторов и олигархов одновременно, они говорили, что в Америке 4% кормят всю Америку и весь мир. Соответственно, у нас 25-20% сельского населения. Но я так понял, задача довести до 4%. Вот и все. Потому что никакого другого объяснений не вижу. Но в чем прелесть этой задачи? В принципе, ничего не надо делать. Нужно Кима Филби посадить и, по большому счету, эта цель будет достигнута. Альтернатива? Нужно вкалывать. Нужно делать все то, что замечательные спикеры говорили. Я считаю, просто выдающийся подбор спикеров именно с точки зрения и истории нашего экспорта пшеницы, и работы с Африкой, с другими регионами, и то, как надо диверсифицировать.

То есть, я честно говоря, я просто в восхищении. Но возникает только один вопрос, что из этого будет принято в управление сегодня, завтра, послезавтра? И я боюсь, что ответ будет отрицательный. Спасибо.

Игорь Абакумов: У меня есть ответ на этот вопрос, что будет завтра. Завтра, ну, если не завтра, то послезавтра. Точно, абсолютно. Наше научное сообщество, которое здесь присутствует, тезисно изложит сообщение нашего круглого стола, нашей сессии. И это сообщение будет доведено до Академии наук, до администрации президента, до правительства. Это обязательное условие нашего здесь присутствия, иначе бы наши спикеры сюда просто не пришли. Вот это обязательное условие. Это будет сделано официально, официальным образом передано.

В качестве небольшого алаверды вам я хочу напомнить, если кто не знает, наверняка многие знают, но если кто вдруг не знает, что из 10 основных KPI руководителя региона нет ни одного, которое касалось бы сельского хозяйства и развития сельских территорий. Ни одного вообще. В заключение я хочу представить наших участников замечательных. Цзянь Лянь, инвестиционный партнер Beijing Hengse, эксперт промышленности, производства и торговли. Пожалуйста. Аркадий Леонидович Злочевский, президент Российского Зернового Союза. Романовская Кристина Федоровна, генеральный директор агрохолдинга «Лазаревское». Орлова Людмила Владимировна, президент Национального движения берегающего земледелия. Кобяков Олег Юрьевич, дипломат, директор отделения по связям с Российской Федерацией, ФАО. Программу вел Игорь Абакумов, Сельский час. Спасибо. Нас ждет фуршет. Это, пожалуй, самая радостная новость на сегодняшний день.

МЭФ 2025: Сессия №6. «Продовольственная безопасность. Роль России в мире»

(01:16:44) (Конец записи)